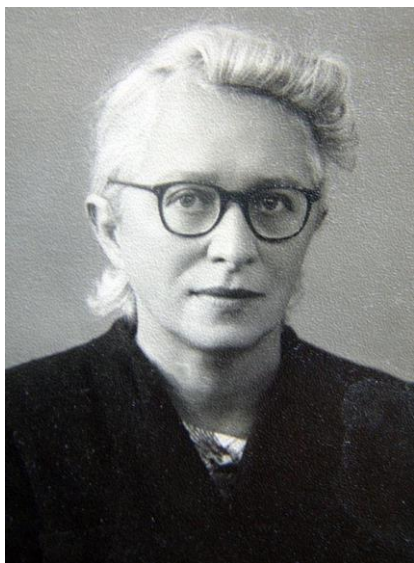

12 августа 1904 года 115 лет назад родилась художница Вера Емельяновна Кузнецова-Кичигина (1904-2005), член Союза художников России (1959).

Родилась Вера Емельяновна в Харбине, навсегда полюбила ощущение древности Востока, пагоды и изогнутые керамические крыши, ярко-красные колонны, беломраморные лестницы, а необыкновенные закаты и удивительное небо Китая вспоминала до конца жизни.

Начиналась её жизнь легко и весело: окончила гимназию, занималась в балетной студии. У Ольги Сергеевны Глушковой, вдовы ярославского художника Спартака Глушкова, хранятся три акварели Веры Кичигиной – три маленькие балеринки, лёгкие, как весенние бабочки, с дарственной надписью: «Спасибо тебе за Спартака!». Эти балерины – тоже воспоминание о Китае, такой была Вера в самом начале жизни. Но не балет, а живопись стала содержанием её пути.

Потому что случилась встреча с прекрасным художником Михаилом Александровичем Кичигиным в студии «Лотос», созданной русскими эмигрантами. Он волею обстоятельств попал в Китай и прожил там 27 лет, с печалью вспоминая русские пейзажи, русские лица.

Встреча определила всю их жизнь. Среди работ Михаила Александровича есть портрет двадцатилетней Веры – уже не легкокрылая балерина, а молодая красивая женщина с решительным взглядом строгих глаз, с уверенной затаённой улыбкой. Мужа она всегда считала первым и единственным учителем, а работы их обоих будут позднее называть классикой XX века.

Такой, как на портрете, была Вера в дни их знакомства. И это была очень красивая пара. Автопортрет художника передаёт нам облик этого человека: ироничный взгляд, мужественный рисунок губ, светлые волосы...

Они и творчеством своим как бы дополняли друг друга – такие разные, такие яркие – на совместных выставках в Кантоне, Пекине, Сеуле, Шанхае, Москве, Петрозаводске, Ярославле.

По настойчивому желанию Михаила Александровича в 1947 году они приехали в Россию – он возвращался, она ехала в незнакомый мир. Мир этот

встретил их неласково – ехали два месяца, в Ярославле сначала жили в халупе у художественного училища, потом в Рубленном посёлке.

Студенты с первой же встречи прониклись тёплой заботой о своём преподавателе, по вечерам ходили по округе, собирали для его печурки обломки досок. На занятия он приходил безукоризненно одетым, кисть в его руке всегда двигалась твёрдо и чётко, краски ложились необычно. Дверь их бедного жилища всегда была открыта для молодых коллег.

Но испытания уже ждали их. В 1950 году Вера Кичигина была репрессирована и только через шесть лет реабилитирована. Как сохранила она в тех условиях светлое отношение к жизни, достоинство, преданность делу?

А судьба продолжала испытывать её. После смерти мужа, оставшись в одиночестве, она никогда не замыкалась в себе. До преклонного возраста регулярно посещала Союз художников, всегда принося с собой ощущение чего-то необычного: необычно одетая – обожала светлые тона, любила шляпки, кепочки, панамки, необычные разговоры – о Китае, о встречах с Вертинским, другими артистами, художниками. Как всегда была гостеприимна. И в её дом знали дорогу люди разных профессий и возрастов, особенно была доброжелательна к молодым коллегам.

Картины Кичигиных есть во многих российских и зарубежных галереях, к 100-летию Веры Емельяновны состоялась выставка в Москве.

Тогда она была уже тяжело больна. Один за другим случились переломы ног, потом она потеряла зрение, а в последние месяцы и слух. Но всегда рядом с ней были друзья.

Многие годы Вера Емельяновна была источником радости и удивления для всех, кто её знал, вдохновляющим примером того, сколько прекрасного может сбересть в себе лучезарная душа стойкого и талантливого человека.

Из статьи И. Копыловой «Лучезарная женщина».

19 августа 1944 года 75 лет назад в Ярославле началось строительство Которосльной набережной методом народной стройки.

Идея организации пространства вдоль реки Которосль, которая активно сегодня обсуждается среди специалистов и общественности, в принципе не нова. В дореволюционный период пойма реки Которосль от её устья и до моста была загромождена дровяными складами, грузовыми причалами, на ней были огороды, что лишало её живописности и возможностей использования эстетического потенциала для развития пространства города.

В советский период времени, начиная с первого генплана 1924 года, этой территории города стало много уделяться внимания. Сначала здесь планировалась разбивка второго по величине парка

площадью 11 га (после ЦПКиО в Тверицком сосновом бору), строительство стадиона и устройство закрытой гавани. Городской порт намечался в нижней части поймы реки Которосль. Часть порта, предназначенная для выгрузки промышленных грузов, располагалась ближе к американскому мосту. Она связывалась веткой со станцией Всполье. Пассажирские пристани переносились в головную часть портовой территории Стрелки, где, в соответствии с проектом, должен был появиться новый водный канал.

Генплан «Большой Ярославль», утверждённый в середине 1930-х годов, повысил статус этой территории за счёт предполагаемого размещения административного центра у устья Которосли на Стрелке. При этом Которосльная набережная рассматривалась с позиции сохранения исторического живописного силуэта, образованного определённым ритмом вертикальных доминант – памятников архитектуры. Комплексное решение нового общегородского форума на исторической подоснове позволило органично слить его с живописной Которосльной долиной, в которой предполагалось разбить городской парк и разместить на замыкании поворотов и излучин реки наиболее интересные архитектурные сооружения. Обилие воды и выход на Волгу благоприятствовали развёртыванию здесь водной базы, развитию здесь зимних видов спорта. «Унылые, замусоренные

сейчас до крайности берега Которосли станут живописными, красивыми, покроются террасами изумрудной зелени»,- писала газета «Северный рабочий» в 1936 году, представляя содержание проекта.

Первое практическое воплощение идеи преобразования этого пространства было осуществлено в суровые военные годы. 19 августа 1944 года был закончен проект реконструкции набережной реки Которосль, который уже к 27-й годовщине октябрьской революции был реализован. «За 75 дней строители новой набережной проделали огромную работу, превратив один из запущенных районов Ярославля – место городской свалки – в благоустроенный и красивый район, в место отдыха трудящихся», - так писала газета «Северный рабочий» от 7 ноября 1944 года, ОКВКП(б). Так было положено начало строительству парка и нового отрезка набережной, являющейся продолжением исторической набережной Волги. Архитектурно-планировочное решение всей трассы было осуществлено архитекторами С. В. Капачинским, К. К. Некрасовым, Е. В. Тильш под руководством А. В. Фёдорова.

Из статьи Н. Сапрыкиной «Советские версии застройки поймы реки Которосль».

21 августа 1314 года 705 лет назад был основан Толгский монастырь

«Радуюсь тому, что Господь сподобил меня возглавить торжества по случаю 700-летия явления Толгской иконы Божией Матери. Сей образ, обретенный ростовским епископом Трифоном и поныне привлекает в обитель множество немощных и скорбящих, которые по вере своей получают скорое вспоможение от заступницы усердной рода христианского. Духовно

значимым событием стало совершение в этот праздничный день в стенах этого древнего монастыря Божественной литургии... Отраднo было видеть многочисленных паломников из разных мест, прибывающих в обитель для участия в юбилейных торжествах. Молитвенно желаю вам и вашим сороботникам на ниве Христовой доброго здравия, крепости духа, неоскудевающих сил и помощи Божией для дальнейшего служения Святой церкви».

Такими словами на августовских торжествах 2014 года в честь основания Толгского монастыря напутствовал ярославское духовенство, настоятельницу обители игуменю Варвару и сестёр Святейший патриарх Кирилл. Владыка возглавил всенощное бдение, обратился к духовенству, пастве и мирянам с первосвятительским словом, вознёс молитву о мире на Украине. В юбилейный Толгин день состоялся православный фестиваль с большой программой духовной музыки и праздником постной кухни, открылась выставка, посвящённая святыням Ярославской земли.

Из статьи Ю. Надеждина «Тишина в сердце приводит к Богу».

27 августа 1874 года 145 лет назад родилась Елизавета Александровна Дьяконова (1874-1902), русская писательница, жившая в Ярославле в 1887-1895 году.

Имя Елизаветы Дьяконовой известно немногим литературоведам и историкам. Об этой интересной писательнице известно очень мало.

Елизавета Александровна Дьяконова родилась в 1874 году в городе Нерехта Костромской губернии. В семье было пять детей: Лиза, Валя, Володя, Надя, Саша. Мать Елизаветы – Александра Егоровна происходила из богатого купеческого рода Горшковых. Отец – купец Александр Дьяконов основал в Нерехте льномануфактуру, но впоследствии разорился. Семья вынуждена была перебраться в Ярославль из-за финансовых проблем и болезни Александра Дьяконова. В Ярославле жила бабушка, именно к ней и переехала семья. Отец умер в 1887 году, когда Елизавете было 13 лет. Смерть отца стала настоящей трагедией для неё. Но на всю жизнь она сохранила о нём добрую память.

Мать Елизавета тоже любила, и в первых записях дневника мы читаем очень нежные высказывания по отношению к матери. Но по мере взросления она всё чаще не могла найти с матерью общий язык, поскольку мать во всём старалась навязывать ей свою волю. Из-за различия взглядов на роль женщины в обществе у дочери с матерью возникли конфликты, которые впоследствии переросли в полное непонимание и даже вражду.

Живя в Нерехте, Елизавета училась в Мариинской гимназии. Переехав в Ярославль, она поступила в Екатерининскую гимназию, находившуюся при Доме Призрения Ближнего, который был основан первым генерал-губернатором А. П. Мельгуновым. Плата за обучение здесь была ниже, чем в Мариинской ярославской гимназии, к тому же многие неимущие ученицы получали стипендию.

По окончании гимназии Елизавета решила поступать на Высшие Женские Курсы в Санкт-Петербурге. Но перед этим она вынуждена была провести в Ярославле 4 года в ожидании своего совершеннолетия – 22 лет. Только достигнув этого возраста, она могла независимо от желания матери уехать из дома и продолжить обучение. Для поступления на Высшие Женские Курсы нужно было собрать документы, о существовании которых мы сейчас и не догадываемся. Например, тайно от матери Елизавета получила от губернатора свидетельство «О политической благонадёжности». Ещё была нужна справка «О безбедном существовании», но сиротский суд (существовал и такой орган) не выдал её Елизавете. Не получила она и согласия матери. Преодолев все препятствия, Елизавета добилась своего и отправила документы и аттестат в Петербург. Её даже зачислили на Высшие Женские Курсы, но мать сообщила о своём несогласии на обучение дочери. После этого Елизавете возвратили документы. Узнав о поступке матери, Елизавета тайно сбежала в столицу и через попечителя народного округа и даже самого министра народного просвещения добилась зачисления на курсы. В 1895 году Елизавета стала курсисткой: «Лекции, науки! Всё к чему я так стремилась, наконец, было достигнуто! Я на курсах!».

Во время своих поездок в Ярославль она принимала активное участие в общественной жизни города: работала в Архивной комиссии, была членом библиотечной комиссии по распространению начального образования, вела борьбу за женское равноправие, сотрудничала с газетой «Северный край», где были напечатаны её статьи: «О воспитании любви к родной стране», «Женское образование», «О женском вопросе» и другие.

В 1899 году Елизавета закончила Высшие Женские Курсы. Теперь перед ней стоял вопрос о дальнейшей практической деятельности. Она добилась разрешения отправиться в голодающую Казанскую губернию, поехала туда раздавать крестьянам продовольствие. Потом она решила посвятить себя юриспруденции, хотела бороться за справедливость. Елизавета с трудом сумела попасть на приём к министру юстиции, но он не дал разрешения на занятие Дьяконовой адвокатской деятельностью: женщинам это было запрещено. Чтобы получить официальное юридическое образование, Елизавета поехала в Париж и поступила на юридический факультет Сорбонны. Но отучилась здесь она лишь первый курс.

В Париже Елизавета жила в маленькой съёмной комнатке. От бедной, полуголодной жизни и от напряжения обострилась её болезнь, передавшаяся от отца. Сложно назвать точный диагноз. Французские врачи советовали вернуться на родину, но для Елизаветы это означало бы отказаться от мечты, и она осталась в Париже. Во Франции она пережила глубокую личную драму - безответную любовь к французскому доктору, своему лечащему врачу. Она приняла его профессиональное внимательное отношение за что-то большее.

Елизавета Дьяконова умерла в 1902 году в горах Тироля. Её ранняя смерть очень загадочна. Она отправилась на прогулку в горы и не вернулась. Её тело было найдено в озере спустя месяц после исчезновения. Рассматривались три версии смерти Елизаветы Дьяконовой: убийство, самоубийство, несчастный случай. Вот такой обычной и в то же время яркой и неукротимой была эта женщина, которая поведала нам о жизни Ярославля конца XIX века.

Из статьи В. Ульяновой «Ярославль XIX века глазами гимназистки».

Составила библиотекарь С. Д. Нечай